

получив достаточную цену, возмещает потребность недостающего ему. И таким взаимным общением всех нас устраивается жизнь наша; от этого возникают поселения и государства, и человек есть животное общительное (*κοινωνικόν ζῷον ἐστὶν ὁ ἄνθρωπος*). Можно быть богатым, но, имея доброе сердце, спастись: «...и Авраам был богат, но через боголюбие, милосердие и странноприимство не только сам получил спасение, но сделался и местом спасаемых». ⁷² Наиболее вредны в обществе, по его мнению, «люди скупого нрава и богатеющие грабежом». ⁷³ О тех, кто идет на обман ради материальной выгоды, Иоанн-Иоасаф Кантакузин говорил в 1367 г. как о врагах (наряду с турками и другими внешними врагами Византии): «Они — единоплеменники, но забыли об этом и являются врагами тех, кто имеет с ними дело (*εἰσὶ δὲ οὐφύλοὶ λεληθότως καὶ ἐγθροτῶν πραγματουμένων*); ведь если кто-нибудь, обманув, сможет получить от другого что-либо, стоящее много денег, дав взамен немного, то не считает, что приобрел это хищнически, обманно и чуть ли не путем воровства, но радуется, как будто совершил какое-нибудь доброе дело, а в итоге постепенно становится врагом другого». ⁷⁴ Мы уже упоминали, что Николай Кавасила старался своим пером помочь разоряемым ростовщиками и чиновниками. Филофей Коккин еще в бытность гераклейским митрополитом вел безнадежную борьбу с людьми, «находящими удовольствие в неслыханных притеснениях и ограблениях бедных и неотступно преследующими тех, кто становится на защиту разоряемых». ⁷⁵ Когда он решился покинуть беспокойное общественное поприще и удалиться на желанный и тихий Афон, этому дружески, но решительно воспротивился сам апологет отшельничества, Григорий Палама: «Да не возжелает этого занимающийся общественными делами!». ⁷⁶ Примеры такого рода можно было бы умножить.

Итак, примерно к середине XIV в. в юго-восточной Европе складывается своеобразный тип общественного деятеля, в котором наслоились черты всех периодов «эволюции» исихазма, этапов возрождения православия. Это, как правило, монах-созерцатель-практик, но одновременно теоретик, «философ»; при этом он может быть писателем, переводчиком или иконописцем. Он нередко занимает тот или иной общественный пост (либо в церковной администрации, либо в качестве главы сплоченной вокруг него монашеской общины) и принимает активное участие в социальной, в том числе и политической, жизни. Причем некоторые (как, например, Савва Новый и Максим Кавсокалит) делают это, не выходя из келий, а лишь принимая у себя разного рода гостей, в том числе ученых и политических деятелей. ⁷⁷ Очевидно, место, которое исихасты сумели занять в общественном мнении, было достаточно высоко.

Факт влияния этих глубоко традиционных сил на общественную жизнь Византии в XIV столетии помогает понять, почему «в византийском городе не было создано условий для зарождения и развития нового общественного строя», ⁷⁸ «для формирования и роста тех социальных слоев,

⁷² Там же, стр. 33—34.

⁷³ Там же, стр. 38—39.

⁷⁴ J. Meunier, *Projets*. — *DOP*, 14, 1960, стр. 171.

⁷⁵ *Συλλογή*, стр. 2.

⁷⁶ «... μηδὲ γὰρ τοῦτο φησὶ τὸν χρηματίζοντα βούλεσθαι». — *Συλλογή*, стр. 9.

⁷⁷ См.: Житие Саввы Нового, стр. 164; Афонский патерик, ч. I. М., 1897, стр. 47—50.

⁷⁸ М. А. Поляковская. Монастырские владения в Фессалонике и ее пригородном районе в XIV—первой половине XV в. — *Античная древность и средние века*. Сборник статей по истории древнего мира и средних веков, Свердловск, 1965, стр. 17.